

**«ЧУТЬ ЖИВЫЕ, В НОЧЬ ОСЕННЮЮ /
МЫ С ОХОТЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ...»
ПРЕДИКАТИВНЫЙ АТРИБУТ
В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ НЕКРАСОВА**

Л. Э. Найдич¹, А. В. Павлова²

¹ Еврейский университет в Иерусалиме
Гора Скопус, Иерусалим 91905, Израиль

² Майнцский университет
Ан дер ХохшULE 2, 76726 Гермерсхайм, Германия
Поступила в редакцию 18.02.2021 г.
doi: 10.5922/2225-5346-2021-3-6

Цель исследования – рассмотреть грамматические и стилистические функции предикативного атрибута в творчестве Некрасова, что соответствует «грамматике поэзии» – подходу, предложенному и разработанному Романом Якобсоном. Предикативный атрибут – одна из характерных черт поэзии Некрасова. Грамматически распространенные адективные и причастные, а также деепричастные обороты, частые у Некрасова, вызывают дополнительные предикации и как бы вводят читателя вглубь рассказываемой истории. Из анализа следует, что для Некрасова характерны многочисленные длинные повторы функционально сходных грамматических элементов, занимающие несколько строк. Эти повторы часто задают ритм и обуславливают фольклорность текста. Однородные атрибуты, парные формулы, синонимизация лексем при повторах, развернутые адективные и причастные обороты, творительный падеж существительного в значении сравнения или метаморфозы – все эти средства можно найти и в донекрасовской поэзии. Однако у Некрасова они выступают в сгущенном виде, их концентрация выше, и их следует рассматривать лишь на фоне творчества поэта в целом.

Ключевые слова: предикативный атрибут, вторичный предикат, стиль и грамматика поэзии, Н. А. Некрасов

Введение

Требование рассматривать поэзию как «язык в его эстетической функции», выдвинутое Р. О. Якобсоном и ставшее программным, актуально и в наше время. В последние десятилетия появился ряд значительных работ и по истории поэтики как науки, и по языку поэзии (Золян, 2009; Акимова, 2017). Некоторые аспекты поэтического синтаксиса были изучены наиболее обстоятельно: соотношение метрики и синтаксиса, распределение синтаксических связей в стихе, строение поэтической строки и строфы и др. (Ковтунова, 1986; Гаспаров, 1995; Гаспаров, Скулачева, 2004; Ревзина, 2002; Скулачева, 1989; Патрoева 2005; Славянский стих, 2009; Kruglova, Skulacheva, Smirnova, 2019). Тем не менее анализ поэтического языка тре-

бует дальнейшей разработки, причем отправным пунктом может быть изучение как отдельного языкового явления, так и языка какого-либо писателя или литературного направления.

Авторы данной статьи исходят из грамматического описания одной из конструкций русского синтаксиса и изучают ее роль в поэтическом тексте. В центре нашего внимания предикативный атрибут (ПА), его грамматические характеристики и его использование в поэзии. Эта синтаксическая конструкция позволяет осуществить одну из важных задач поэзии: передать мысль поэта «сгущенными поэтическими формулировками, устанавливающими с читателями молниеносный и безошибочный контакт» (Гинзбург, 1974, с. 12).

Данная статья продолжает исследования, начатые нами несколько лет назад (Naiditsch, Pavlova, 2018; Найдич, Павлова, 2021). Основная цель авторов в публикуемой работе заключается в том, чтобы проанализировать стилистическую роль ПА в поэтических текстах на примере произведений одного поэта — Н. А. Некрасова. В числе прочего ставится вопрос, коррелируют ли формы и способы употреблений ПА с их стилистическими функциями.

1. Предикативный атрибут: введение в тему

Предикативный атрибут — особый член предложения, который синтаксически зависит от подлежащего (или дополнения), с одной стороны, и от глагольного предиката — с другой¹. ПА характеризует денотат подлежащего или дополнения (в этом отношении он синтаксически схож с определением) и в то же время является характеристикой действия или состояния, выраженных глаголом, — в этом отношении он сравним с обстоятельством образа действия, реже с другими типами обстоятельств². Примером употребления ПА служит первая часть названия данной статьи:

(1) *Чуть живые*, в ночь осеннюю / Мы с охоты возвращаемся... (Некрасов. Oriна, мать солдатская).

Словосочетание *чуть живые*, с одной стороны, характеризует тех, кто возвращается с охоты (*мы*), с другой — сообщает, как именно (в каком состоянии) мы возвращаемся с охоты. Перед нами две пропозиции и две предикации под видом одной: 'Мы возвращаемся'; 'Мы чуть живые'³. В конструкции с ПА изящно и легко вплетается дополнительная

¹ Рассматривая ПА как особый член предложения, мы продолжаем традицию, заложенную Германом Паулем, а в русской лингвистике А. А. Шахматовым (Paul, 1920, S. 142; Шахматов, 1941, с. 39–40, 121). Не все специалисты видят в ПА самостоятельный член предложения.

² В работах языковедов это синтаксическое явление получило различные терминологические обозначения: «предикативный атрибут», «свободный предикатив», «дуплексив», «предикативный детерминант», «копредикатив», «вторичный предикат», «депиктивный предикатив», «депиктив», «малая клауза».

³ «Чистых» определений к местоимениям в принципе не бывает, поэтому любые прилагательные, формально относящиеся к местоимению, скорее всего, семантически связаны с глаголом.

предикация, а все предложение благодаря ПА скрепляется дополнительной синтаксической связью между частями, как будто строительным известковым раствором. ПА позволяет сэкономить усилия по эксплицитному выражению предикативных отношений, облегчает и одновременно укрепляет синтаксическую конструкцию-предложение.

Одним из условий рассмотрения некоторого члена предложения как ПА является его непродиктованность обязательной валентностью глагола. Так, прилагательное *умным* в предложении *Он казался умным* не выступает в функции ПА, так как без этого элемента предложение синтаксически не завершено и аграмматично. Если глагол многозначен, его валентность может требовать обязательного заполнения лишь в одном из его значений, например:

(2) а. Он работает тренером (=‘Он тренер’). / б. Он работает. (= 1.‘Он занят’; 2.‘Он имеет работу’).

В 2а заполнение валентного места для данного значения глагола обязательно, поэтому актант *тренером* мы не рассматриваем как ПА. Ср.:

(3) а. Такое мнение является глубочайшим заблуждением. / б. *Торжественным герольдом* явился мне в детстве Умов (Андрей Белый).

В 3а глагол *являться* в значении ‘быть кем-либо, каким-либо’ открывает обязательное валентное место для творительного падежа, в то время как в 3б тот же глагол в значении ‘представать перед кем-либо’ предоставляет творительному месту актанта лишь факультативно. Группу существительного в творительном в примере 3б мы рассматриваем как ПА, так как она семантически характеризует денотат подлежащего (*Каким был для меня Умов?*), а синтаксически тяготеет к глаголу, заполняя факультативно-валентное место обстоятельства (*Как явился?*).

Существительное или местоимение, которое соотносится с ПА как главенствующий член атрибутивного отношения, будем именовать «контролером» (Himmelmann, Schultze-Berndt, 2005).

Признание ПА особым членом предложения означает одновременно признание наличия скрытых грамматических категорий, так как в открывающихся посредством ПА отношениях по типу «треугольника» одна из связей — синтаксическая, другая «только» семантическая, не обнаруживающая соответствующей своей функции формы.

ПА может быть выражен самыми разными морфологическими формами — полными и краткими прилагательными и причастиями (одиночными или распространенными), деепричастиями, наречиями, разнообразными субстантивными конструкциями и др.

В то время как в прилагательных, причастиях и существительных обнаруживается синтаксическое тяготение к контролеру и семантическое к глаголу, с наречиями и деепричастиями анализ протекает в противоположном направлении: в них синтаксическая зависимость от гла-

гола очевидна, а вот семантическая — от контролера — может быть заметна, а может оставаться в тени. Признание за наречием или деепричастием статуса ПА происходит при условии, что наречие семантически характеризует не столько действие, сколько денотат подлежащего или дополнения. Для иллюстрации привлечем пример из (Апресян, 1995, с. 75–77):

(4) Петя хорошо охарактеризовал своих однокурсников.

Если наречие *хорошо* присоединяется к глаголу поверхностно-синтаксическим обстоятельством отношения, то глагол можно заменить синонимом *описать*, а предложение означает: 'Петя удовлетворительно справился с задачей дать описание своих однокурсников'. Если же отношения глубинно-синтаксические и атрибутивные, то наречие семантически тяготеет к существительному *однокурсников*: это они в Петинем изложении — *хорошие*, а глагол означает примерно то же, что 'оценил'. В нашей терминологии атрибутивная семантика наречия дает основания считать его предикативным атрибутом.

В некоторых примерах атрибутивность семантики наречия настолько очевидна, что оно только как ПА и может быть понято. Так, в следующих строках Некрасова⁴:

(5) Увы, наивна ты была,
Вступая за кулисы,
Ты *благородно* поняла
Призвание актрисы.

(Памяти Асенковой)

невозможно интерпретировать наречие как обстоятельство образа действия: благородным является призвание актрисы, а не понимание. Здесь создается своеобразное семантическое напряжение (читатель должен уметь это противоречие распознать), что придает тексту особое эстетическое очарование. Предложение обретает смысл только при размещении фразового ударения на наречии.

Обычно ПА выражены словами, обозначающими временные, переменные признаки. Именно ПА такого рода стало принято именовать «депиктивами»: они как бы рисуют некоторую дополнительную к основному плану происходящего картинку, которая по окончании ситуации исчезает. Было бы неверно утверждать, что непостоянство признака — неотъемлемая и обязательная семантическая составляющая ПА. В примерах из поэзии Некрасова нам будут встречаться ПА, выражающие как переменные признаки, так и признаки, не исчезающие

⁴ В приводимых далее примерах стихотворных отрывков ПА отмечены полужирным шрифтом и курсивом. При этом маркированы только те ПА, которые соответствуют категории, иллюстрируемой тем или иным примером. Если в том же отрывке встречаются другие типы ПА, они остаются немаркированными, чтобы не отвлекать и не рассеивать внимания читателя.

вместе с описываемой ситуацией по ее завершении⁵. Есть и еще одна категория ПА, стоящая несколько особняком: это ПА-результативы – слова, обозначающие состояние референта подлежащего или дополнения в результате выполнения действия. В русском языке ПА-результативы встречаются довольно редко⁶, см. 3.1.3 и 3.3.

В целом Некрасов чрезвычайно активно и охотно обращается к ПА в разных формах:

(6) Тихо по церкви ходили монашины,
В черные рясы наряжены,
Только покойница в белом была:
Спит – *молодая, спокойная,*
Знает, что будет в раю.
Поцаловала и я, *недостойная,*
Белую ручку твою!
(Мороз, Красный нос)

(7) Как ты кротка, как ты послушна,
Ты рада быть его рабой.
Но он внимает равнодушно,
Уныл и холоден душой.
А прежде... помнишь? *Молода,*
Горда, надменна и прекрасна,
Ты им играла самовластно,
Но он любил, любил тогда!
Так солнце осени – *без туч*
Стоит, *не грея*, на лазури,
А летом и сквозь сумрак бури
Бросает животворный луч...
(Как ты кротка...)

Для ПА важна и семантика глагола, так как далеко не любой глагол может присоединять к себе эту конструкцию. В основном этой способностью обладают глаголы движения (*ходить, бегать* и др.) и положения или изменения положения в пространстве, то есть позиционные (*стоять, вставать, лежать, ложиться, сидеть* и др.); к ним примыкает группа глаголов покоя (*спать, поживать, дремать*). Еще одну большую группу составляют глаголы «жизни и смерти» (*родиться, жить, умереть* и проч.). С ПА нередко соединяются также глаголы чувственного воздействия (*блестеть, сверкать, шуметь, белеть, чернеть* и т.п.). Встречаются и глаголы речемыслительной деятельности, а также некоторые другие семантические группы. Примечательно, что, как только в рассмотрение включаются примеры с ПА, отделяемыми в самостоятельную синтагму знаками препинания (чаще всего запятой или тире), спектр семантики допустимых глагольных групп заметно возрастает. Таким образом,

⁵ В рамках статьи нет возможности углубиться в этот аспект темы (интересующихся отсылаем к книге, где этот вопрос освещается подробнее (Найдич, Павлова, 2021, глава 7)).

⁶ Подробнее о ПА со значением результата см.: (Найдич, Павлова, 2019б).

набор классов глаголов, способных связываться с ПА, зависит от того, рассматривать ли только односинтагменные случаи типа *бежал босой* или *пришел усталый* или также конструкции типа *засмеялся, довольный*⁷. Мы трактуем ПА в максимально широком диапазоне, так что для нас их обособление в самостоятельную синтагму представляет лишь очередной уровень анализа одного синтаксического явления, хотя и невероятно разнообразного по формам.

Соединяясь с ПА, глаголы часто теряют значительную часть своей семантики, их словарное значение выхолащивается, они становятся полувспомогательными. Обычно это происходит в ситуациях, когда ПА не обособлены в самостоятельную синтагму и их семантическая спаянность с глаголами ощущается в полной мере. Впрочем, десемантизация глаголов в конструкциях с ПА проявляется в разной степени, в том числе и в зависимости от семантики самого глагола. Особо высокую степень десемантизации можно наблюдать в глаголах движения и позиционных глаголах. Основное внимание участников коммуникации обычно направлено на ПА. Хотя его и именуют «вторичным» предикатом, в терминах коммуникативного синтаксиса он далеко не вторичен — а наоборот, обычно находится в фокусе внимания и часто, хоть и не всегда, является ремой.

Прежде чем перейти к анализу стилистических функций ПА у Некрасова, необходимо сказать хотя бы несколько слов об истории восприятия его поэзии.

2. Давний спор о поэтике Некрасова

В то время, когда Р.О. Якобсон выдвинул требование изучения «грамматики поэзии» (1920-е годы), не менее выдающиеся филологи начали полемику о характере поэзии Некрасова. Значение Некрасова для русской литературы стало тогда уже общепризнанным, демократический характер его поэзии не вызывал сомнения. Но главные черты его стиля оставались дискуссионными. В полемику включились такие филологи, как Ю.Н. Тынянов, Б.М. Эйхенбаум, К.И. Чуковский⁸. В статье «Стиховые формы Некрасова» 1921 года⁹ Тынянов (1977) сформулировал принцип прозаизации стиховой речи у Некрасова. Он указывал на то, что наряду с классическими стиховыми формулами и метафорами — средствами, которыми Некрасов хорошо владел, — поэт вводит в свои стихи элементы, нарушающие классический канон. Так, Некрасов сталкивает поэтизмы с разговорной и диалектной лексикой или, на-

⁷ Подробнее семантика глаголов анализируется в работе: (Найдич, Павлова, 2021, с. 159–167).

⁸ История этой полемики изложена в содержательном комментарии к книге (Тынянов, 1977).

⁹ Первая публикация: *Летопись Дома литераторов*. 1921. №4 (20 дек.). С. 3–4. С небольшими изменениями и добавлением постскриптума вошла в книгу «Архаисты и новаторы», где дана датировка статьи 1921 годом, постскриптума — 1928 годом.

пример, нарушает песенный стиль выходом синтаксических единиц за пределы метрических (*enjambements*). Несколько позже была опубликована статья Б. М. Эйхенбаума «Некрасов»¹⁰ (Эйхенбаум, 1986, с. 340–373), во многом сходная со статьей Тынянова. Эйхенбаум воспринимает Некрасова как поэта, отвечающего потребностям толпы. «Необходимо было создать это новое восприятие, чтобы поэзия имела слушателей, потому что слушателей поэзия должна иметь. <...> Некрасов спасал поэзию тем, что как бы врывается в нее с улицы, не считаясь с традициями. На самом деле он пришел не с улицы, а из самой литературы» (Там же, с. 343–344). «Часто Некрасов прямо демонстрирует свой метод отщупления, контрастно противопоставляя системе старых поэтических штампов свои “грубые” слова или подчеркивая прозаичность своих сюжетов и образов» (Там же, с. 349).

На другом полюсе полемики о Некрасове находился Чуковский, который неоднократно постулировал сохранение пушкинских традиций в некрасовской поэзии. Это проявлялось, как подчеркивал исследователь, даже в трактовке темы «поэт и толпа», соответствующей пушкинской. С возражениями против позиции Тынянова и Эйхенбаума Чуковский выступил в 1926 году в книге «Некрасов. Статьи и материалы», особенно резко в очерке «Формалист о Некрасове», где указал на ряд фактических ошибок у Эйхенбаума. После этого полемика не прекратилась: и Тынянов, и Эйхенбаум продолжали отстаивать свою точку зрения. Тынянов отвечал Чуковскому в *post scriptum*'е к статье в книге «Архаисты и новаторы» (Тынянов, 1929). Эйхенбаум опубликовал в ответ на возражения Чуковского постскрипtum к своей статье «Некрасов» (Эйхенбаум, 1927).

Наиболее отчетливо восприятие Эйхенбаумом языка Некрасова выражено в его статье об Ахматовой (Эйхенбаум, 1923), где он сравнивает Некрасова с футуристами: «В XIX в. им <футуристам> ближе всего не Пушкин, не Тютчев, а Некрасов с его тенденцией к оде и особенно с его пафосом “снижения” языка и форм. <...> Символисты в своем несколько эклектическом стремлении впитать в себя все традиции русской поэзии старались “оправдать” Некрасова, интерпретируя его поэзию как “высокое” искусство (Бальмонт, Белый). Футуристы вернули нам ощущение подлинного Некрасова как разрушителя классических традиций и вместе с тем освободили его от связи с после-Некрасовской “надсоновщиной”, элементами которой пользовался Бальмонт» (Эйхенбаум, 1986, с. 384). Сравнение Некрасова с футуристами, как считал другой выдающийся филолог Г. О. Винокур, «весьма существенно и по-новому уясняет нам ряд моментов в истории русской литературы» (Винокур, 1990, с. 60).

В опубликованной на чешском языке в 1936 году статье о поэзии Пушкина (позднее переведенной на английский, а затем и на русский) Роман Якобсон замечает: «Ни романтическая музыкальная лирика (Ба-

¹⁰ Первая публикация: Начала. 1922. № 2.

ратынский, Лермонтов, Тютчев), развитие которой было завершено символистами, ни реалистическая, пародийно направленная лирическая поэзия Некрасова не шли путем Пушкина» (Яacobсон, 1987, с. 214).

Чуковский не изменил своей точки зрения. В итоговой книге о Некрасове он подчеркивает связь поэта с пушкинской традицией, пишет «о насыщенности его поэтического мышления текстами Пушкина» (Чуковский, 2005, часть 1, параграф 1). Заметим, что полемика, о которой идет речь, не имела какого-либо политического оттенка; хорошие личные отношения между спорившими, выдающимися учеными и людьми высоких нравственных принципов, сохранялись. Тогда еще не созрела ситуация, когда полемика перерастала в диффамацию и политические обвинения — в таких «дискуссиях» люди, о которых идет речь, не стали бы участвовать.

Впоследствии творчество Некрасова тщательно изучалось советскими литературоведами. В Советском Союзе Некрасов благодаря демократическому характеру своего творчества стал хрестоматийным поэтом. Было издано его полное собрание сочинений и писем в 15 томах с подробными комментариями (1981—2000). Наиболее существенные темы в изучении поэзии Некрасова — традиции и новаторство в его поэтике, многоголосье поэтического языка, элементы сказа и фольклор в его творчестве, некрасовская традиция в более поздней поэзии (Некрасовские сборники, 1951—2019; Евгеньев-Максимов, 1956; Гин, 1971; Корман, 1978; Бухштаб, 1989).

Полемика 1920-х годов вокруг поэзии Некрасова, о которой говорилось выше, не теряет своей актуальности. Она побуждает сегодня к глубокому изучению стиля поэзии Некрасова. Именно на материале Некрасова тема «грамматика поэзии», выдвинутая Яacobсоном, представляется особенно интересной. Этому способствует сложный характер стиля поэта, с контрастами и противоречиями.

3. ПА и стилистика

ПА обладает немалым стилистическим потенциалом уже потому, что дает возможность в одном простом предложении выразить две пропозиции. Кроме того, будучи вторичным предикатом, ПА перетягивает на себя основное внимание реципиента, оказываясь в коммуникативном фокусе и одновременно (не всегда, но часто) ослабляя семантику первичного и основного предиката. Коммуникативная нагрузка и семантическая глубина ПА возрастают, если в нем «уживается» несколько синтаксических функций (см. 3.1). Стилистически интересны случаи неоднозначных трактовок синтаксических функций ПА (см. 3.2). Наконец, сами формы ПА несут в себе различный стилистический потенциал. В этом разделе нам удастся рассмотреть лишь малую выборку всех форм и возможных примеров.

3.1. Синтаксическая емкость ПА

Некоторые ПА обладают одновременно несколькими обстоятельными значениями, что придает им дополнительную семантическую емкость. Так, в ПА могут совмещаться следующие значения:

3.1.1. Обстоятельства образа действия и причины:

У Некрасова ПА, совмещающих в себе функции атрибута и обстоятельства причины, необычайно много; их можно отнести к одной из характерных черт его поэзии:

(8) И что ж? *обижены тобой,*
Лишенные надежды,
Отмстить решились клеветой
Бездушные невежды!
(Памяти Асенковой)

(9) Знай рубит, — не чувствует стужи,
Не слышит, что ноги знобит,
И, *полная мыслью о муже,*
Зовет его, с ним говорит...
(Мороз, Красный нос)

3.1.2. Обстоятельства образа действия и противительности (контраста):

(10) *Унылые, поблекшие*
Леса полураздетые
Жить начинали вновь
(Кому на Руси...)

Первоначально поблекшие и унылые, леса стали оживать. Прилагательные, выступая атрибутами к подлежащему, одновременно семантически противопоставляются значению сказуемого. Иногда противительность становится ясна не из предложения, в котором употреблен ПА, а из ближнего контекста или из широкого контекста:

(11) Твой труд живет и долго не умрет,
А ты погиб, *несчастлив и незнаем!*
(Памяти Белинского)

(12) Не бойся клеветы, родимый,
Ты заплатил ей дань *живой!*
(Баюшки-баю)

В (12) голос покойной матери убаюкивает лирического героя на смертном одре. ПА *живой* противопоставляется нынешнему состоянию умирания героя. На это прилагательное обязательно падает фразовое ударение контрастного типа.

3.1.3. Обстоятельства следствия или результата (ПА-результативы):

(13) Чудо свершилось: убогая нива
Вдруг просветлела, *пышна и красива.*
(Саша)

Нива была убогая, а потом просветлела и стала пышна и красива — в результате чуда. Краткие прилагательные совмещают здесь функции определения к подлежащему с функциями обстоятельства образа действия и обстоятельства следствия.

(14) Руки, что вывели борозды эти,
Высохли *в щепку*...

(Несжатая полоса)

Руки, высохнув, стали напоминать щепки. Метафора содержит в своем составе ПА-результатив.

3.2. Эстетика неоднозначности

Роман Якобсон писал: «Неоднозначность (ambiguity) — это внутренне присущее, неотчуждаемое свойство любого направленного на самого себя сообщения, короче — естественная и существенная особенность поэзии» (Якобсон, 1975, с. 221). Он же о поэзии Пушкина: «Неоднозначность, или, более точно, множественность смыслов, есть базисный компонент поэтических произведений Пушкина» (Якобсон, 1987, с. 217).

Неоднозначность заставляет реципиента стремиться к разгадке как переживанию успеха — а это всегда дает эмоциональный эффект азарта и радости, пусть и кратковременный. Приведем лишь несколько примеров.

Для фразы

(15) И ушел купец *счастли́вый*,
Под мешком *кряхтя*...

(Извозчик)

трактовка прилагательного в постпозиции по отношению к существительному зависит от фразового ударения: если сделать сильный акцент на прилагательном (*И ушел купец счастли́вый*), то оно превращается в ПА со значением 'купец удалился в состоянии счастья'. Если же фразовое ударение падает на существительное, а прилагательное оказывается в безакцентной позиции, то прилагательное является инвертированным определением (*И уше́л купец счастливый...*), а фраза означает, что счастливый купец удалился.

Иногда неоднозначность возникает в трактовке обстоятельственного значения ПА. Например: причина или следствие?

(16) Замолчала — не прибавила
Ни словечка, *бесталанная*.

(Орина, мать солдатская)

Слово *бесталанная* означает здесь 'не умеет передать словами историю о смерти сына, выразить свои эмоции'. Непонятно: Орина не прибавила к своей скупо рассказанной истории ни словечка, потому что она «бесталанная», или это рассказчик (лирический герой) счел ее бесталанной, поскольку Орина была столь экономна в средствах передачи произошедшего?

Неоднозначность трактовок синтаксической функции часто сопровождает нас при встречах с деепричастиями. Так, в строках

(17) А дева, далеко отстав,
По плечам кудри разметав,
Бежит за милым...
(Суд)

деепричастный оборот *далеко отстав*, хотя и зависит синтаксически от глагола *бежит*, описывает положение девы в пространстве. А деепричастный оборот *по плечам кудри разметав* и вовсе передает ее внешность ('с разметавшимися по плечам кудрями') и семантически с глаголом *бежит* не связан. Если для первого из деепричастных оборотов еще имеются основания расценивать его как обстоятельство «в чистом виде» или, во всяком случае, полемизировать о его синтаксическом статусе, то для второго функция атрибута и, тем самым, ПА очевидна.

3.3. Метафорика конструкций с творительным существительного

Некрасов любит творительный падеж (ТвП) в роли ПА. Иногда встречаются настоящие «каскады» этого синтаксического явления — например, в поэме «Русские женщины», когда княгиня Волконская описывает свои первые впечатления от каменоломни, в которой работали каторжники:

(18) Пошла я глухим коридором,
Уступами шел он; темно было в нем
И душно; где плесень *узором*
Лежала; где тихо струилась вода
И *лужами* книзу стекала.
Я слышала шорох; земля иногда
Комками со стен упала.
(Русские женщины)

Некрасов употребляет здесь четыре раза ТвП в роли ПА, но в этом кажущемся однообразии обнаруживается разная семантика: *коридор шел уступами* — здесь ТвП описывает форму предмета; *плесень лежала узором* — зрительное впечатление, порожаемое формой; *вода стекала лужами* — результат действия: вода стекала, и ее капли, собираясь в одном месте, превращались в лужи; способ выполнения действия выражается ТвП в словосочетании *земля упала комками*. Все эти формы передают первое впечатление героини — и неслучайно здесь употребление ПА, характерных именно для передачи таких ситуаций (подробнее о функциях ПА-творительного см.: (Найдич, Павлова, 2019в)).

В творчестве Некрасова нередко обнаруживаются яркие, необычные ТвП-метаморфозы, которые позднее станут излюбленным стилистическим приемом поэтов Серебряного века, достигая невиданного размаха и разнообразия в творчестве Пастернака.

(19) Переходя из уст в уста,
Коварна и бесчестна,
Крылатым змеем клевета
Носилась повсеместно...
(Памяти Асенковой)

Ср. следующий пример:
(20) Другую на дерево кинет,
На плашку, – и смотришь, она [слеза]
Жемчужиной крупной застынет –
Бела, и кругла, и плотна.
(Мороз, Красный нос)

Здесь собственно результативом является группа существительного в ТвП: слеза застывает на морозе и превращается в льдинку, напоминающую жемчужину. Перед нами творительный сравнения или творительный метаморфозы. Эстетический эффект ТвП усиливается и венчается тремя краткими прилагательными в конце строфы. *Бела, и кругла, и плотна* – краткие прилагательные, и именительный падеж здесь вынужденный, так как они в ТвП стоять не могут. Некрасов обыгрывает этот именительный с необычайным изяществом: прилагательные, с одной стороны, представляют собой предикаты – к чему? – к ПА, выраженному творительным? Да, этот творительный благодаря именительному прилагательных как бы сам на глазах превращается в несуществующий, воображаемый именительный характеризуемого воображаемого подлежащего. С другой стороны, можно воспринимать эти краткие прилагательные и как определения к существительному в творительном – определения, вынужденным образом не согласованные с ним по падежу, но согласованные при этом по роду.

3.4. ПА – прилагательные и причастия

Прилагательные, чаще качественные, но в отдельных случаях и относительные, в роли ПА встречаются в поэтических текстах часто. Дополнительная предикация посредством прилагательного-ПА позволяет представить емкую мысль экономным образом. Полные прилагательные обычно согласуются с подлежащим или дополнением, к которым они относятся, в роде, числе и падеже:

(21) Всю ты жизнь прожила **нелюбимая**...
(Рыцарь на час)

(22) Муж тебе выпал **недобрый** на долю...
(Еду ли ночью...)

В русском языке возможна и другая модель сходной семантики: прилагательные употребляются в творительном падеже, обычно несо-

гласованном, хотя возможно согласование по роду и числу. Творительный падеж прилагательного-ПА у Некрасова употребляется сравнительно редко:

(23) **Свободной, гордой и счастливой**
Увидишь родину свою...
(Баюшки-баю)

(24) Захватило нас трудное время
Неготовыми к трудной борьбе...
(Рыцарь на час)

В (23), (24) перед нами творительный, не согласованный по падежу с контролером, но согласованный с ним по роду и числу. Прилагательные в творительном характеризуют референты дополнений и подчеркивают актуальное или ожидаемое состояние объекта.

Полные прилагательные могут быть грамматически распространенными, входить в субстантивную группу и в цепочку однородных элементов (о последних см. 3.5):

(25) *Треволненья мирского далекая,
С неземным выраженьем в очах,
Русокудрая, голубоокая,
С тихой грустью на бледных устах,
Под грозой величаво-безгласная —
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мне
При волшебной светящей луне.*
(Рыцарь на час)

Краткие прилагательные-ПА согласуются с существительными-контролерами по роду и числу и стоят в именительном падеже. Как и полные, они могут входить в распространенные адъективные группы:

(26) <...> Цветет
Красавица, миру на диво,
*Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.*
(Мороз, Красный нос)

Помимо полных и кратких, с исторической точки зрения существует еще один тип прилагательных — усеченные. Они использовались в русской литературе для удобства версификации и к XIX веку уже устарели. В поэзии Некрасова встречается несколько таких форм как признак архаической и народной речи:

(27) Да не долги были радости.
Воротился сын *больнехонек*...
(Орина, мать солдатская)

Близостью к фольклору и / или стилизацией под фольклор и под архаическую речь объясняется, очевидно, и в целом обилие кратких прилагательных у Некрасова.

Краткие прилагательные в прозаической речи сегодня используются почти всегда как предикативы. *Красны девицы* и *добры молодцы* отсылают в мир сказок и былин, *бравы ребяташки* к народной песенной культуре, пушкинские *версты полосаты* кажутся архаизмом. Именно роль ПА, то есть соотнесенность с глаголом, «спасает» категорию кратких прилагательных для современной поэзии. Ср. у Окуджавы: *Неистов и упрям, гори, огонь, гори!* Вплетаясь у Некрасова в произведения народно-фольклорного характера, краткие прилагательные и причастия воспринимаются как важные и органичные элементы этого стиля.

Как и прилагательные, причастия могут быть и самостоятельными ПА, и главными элементами причастных оборотов. Грамматическая распространенность для причастий более характерна, чем для прилагательных:

(28) <...> хлеб полей, *возделанных рабами,*
Нейдет мне впрок!
(На родине)

Причастные обороты в поэзии образуются не только полными, но и краткими причастиями, что в прозаических текстах почти не встречается:

(29) *Пригреты теплым солнышком,*
Шумят повеселелые
Сосновые леса...
(Зеленый шум)

Следующий пример интересен тем, что краткое распространенное причастие относится к прямому дополнению:

(30) Там, *на хартиях написаны,*
Влас грехи свои прочел...
(Влас)

Наличие членов предложения, зависимых от прилагательных и причастий, легко объясняется повествовательностью многих произведений Некрасова. Для компактного изложения сюжета и расширения повествования такие формы хорошо пригодны: «Специфика нарратива состоит в том, что прилагательное в атрибутивной конструкции может выступать не как атрибут, а как предикат — точнее, как *редуцированная предикация*, которая формально находится в атрибутивной позиции» (Кустова, 2017, с. 234). Большое разнообразие прилагательных и причастий в поэзии Некрасова составляет одну из ее характерных черт.

3.5. Эстетика парности

Многие прилагательные в произведениях Некрасова употребляются в виде словесных пар. Парность слов — в случае ПА прилагательных, причастий, деепричастий — наблюдается в поэзии разных периодов и у разных авторов:

(31) И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой...
(Пушкин. Полтава)

(32) Это я, взобравшись туда высоко,
луной томлю, *ждуций и голенький*
(Маяковский. Флейта-позвоночник)

(33) <...> и знай алхимики прохладные,
что ргуть — *зеркальна и быстра* —
сестра не золоту, а кадмию <...>
(Кенжеев. Когда бы знали чернокнижники...)

Двоение не всегда несет дополнительную информацию. Оно представляется частью поэтического языка; кажется, что автор ищет подходящее парное слово для усиления поэтичности и завершенности текста. Принцип парности известен прежде всего в фольклоре; здесь он сродни разнообразным повторам и параллелизму и имеет древние корни, общие для славянских и других индоевропейских (а возможно, и для более широкого круга) языков (Потебня, 1958, с. 433–450). Якобсон, изучавший разные типы параллелизма, писал: «...поэзия, налагая сходство на смежность, возводит эквивалентность в принцип построения сочетаний. Симметричная повторность и контраст грамматических значений становятся здесь художественными приемами» (1983, с. 467). Параллелизм и двоение в русском фольклоре не только широко используется, но и пародируется — например, в русской повести о Фоме и Ереме (Якобсон, 1996, с. 49; Богатырев, 1971).

При употреблении в паре автор подбирает слова, которые могут иметь общие семы. В паре сходство семантики слов усиливается или осуществляется их синонимизация, в том числе непосредственно благодаря их соседству (*могущ и радостен*, *зеркальна и быстра*). Среди прочих уподобляются друг другу семы оценки — если только речь не идет об антонимических парах (которые, кстати, тоже имеют общие семы). Ср. пример из Маяковского, где у однородных прилагательного и причастия (*ждуций и голенький*), которые на уровне языковой системы ни оценочностью, ни синонимией не обладают, появляется семантическая общность в сфере оценочности.

Парные прилагательные, часто ПА, чрезвычайно характерны для поэзии Некрасова. Особо многочисленны и выразительны парные ПА — краткие прилагательные:

(34) И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь текла отцов моих, *бесплодна и пуста.*
(Родина)

(35) По мне – *тиха, невидима* –
Прошла гроза душевная,
Покажешь ли ее?
(Кому на Руси...)

Немало примеров и с парными полными прилагательными:

(36) *Голодные, холодные,*
Прошли господни ратники
Пустыни, города...
(Кому на Руси...)

В поэтических текстах часто формируется своего рода грамматическая и семантическая монолитность адъективных цепочек, что хорошо видно на примерах ПА-прилагательных из Некрасовских текстов.

Несмотря на то что парность, реже троичность, адъективных компонентов не всегда сопряжена с народным, фольклорным характером поэзии, в текстах Некрасова она такой оттенок приобретает. Важен здесь контекст некрасовской поэзии в целом.

Некоторые фразы с парными прилагательными описывают характер или состояние героя (и уже это определяет общность сем однородных членов ряда):

(37) В доме тревога большая.
Счастливы, светлы лицом,
Заново дом убирая,
Шепчутся мама с отцом.
(Дедушка)

(38) По Ватикану бродишь ты
Подавлен и угрюм...
(Русские женщины)

Парные ПА вовлечены и в описания картин природы:

(39) Дорого-любо, кормилица-нива,
Видеть, как ты колосишься красиво,
Как ты, янтарным зерном налита
Гордо стоишь *высока и густа!*
(Саша)

Некоторые случаи семантического уподобления слов, далеких от синонимии, производят особое эстетическое впечатление:

(40) И солнце, *кругло и бездушно,*
Как желтое око совы,
Глядело с небес равнодушно
На тяжкие муки вдовы.
(Мороз, Красный нос)

(41) *Прямы и светлы*, как прутья стальные,
В землю вонзались струи дождевые...
(Дед Мазай и зайцы)

В (40) создается образ враждебной человеку природы, и даже круглая форма солнца кажется зловещей. В (41) прилагательное *светлы* несет семантику положительной оценки, эмоцию радостной энергии, расширяющуюся на обе строки.

Ряды однородных прилагательных могут включать не только два, но и больше слов:

(42) Вся *соразмерная, гордая, стройная*,
Мне эта женщина часто мечтается...
(Дешева покупка)

Возможны и зависимые от прилагательных слова и обороты:

(43) Полон скорбью неутешною,
Смуглолиц, высок и прям,
Ходит он стопой неспешною
По селеньям, городам.
(Влас)

С употреблением парных ПА связана одна замеченная нами черта (Naiditsch, Pavlova, 2018, с. 128–130; Найдич, Павлова, 2019а). Прилагательные, обозначающие постоянные признаки, обычно не употребляются «в одиночку» в роли ПА. Что-то мешает нам сказать **Ты вновь пришла худая...*, **Дедушка стоял седой* и т.п. Как уже было сказано, прилагательные, обозначающие постоянные признаки, в роли ПА вообще употребляются крайне редко, во всяком случае, если они не образуют самостоятельную синтагму и не отделены знаком препинания на письме. Но парность в соседстве с прилагательным, обозначающим временный признак, как будто оправдывает их использование, даже если они не составляют самостоятельную синтагму, ср.: *Ты пришла усталая и худая*. В таком соседстве прилагательная *худая* приобретает семантику временности, преходящести — благодаря своему соседу *усталая*, словно сема переменности, оправдывающая употребление одного из прилагательных в роли ПА, вовлекает и второй член однородного ряда — прилагательное постоянной семантики — в свою орбиту. Особенно скрадывается необычность употребления прилагательных, обозначающих постоянные признаки, если их много и они перемежаются с ПА других морфологических типов:

(44) *Высокий, седой, сухопарый*,
Без шапки, недвижно-немой,
Как памятник, дедушка старый
Стоял на могиле родной!
(Мороз, Красный нос)

«Магию парности» или «магию троичности» можно обнаружить не только в сфере прилагательных, но и в группах существительных:

(45) Стоит под сосной чуть живая,
Без думы, без стона, без слез.
 (Мороз, Красный нос)

Очевидно, что подобный параллелизм приводит не только к семантическому уподоблению его элементов, но и к особой ритмизации стиха. Повторы форм часто (хотя и не всегда) укладываются в одну строку, цементируя ее и активно участвуя в создании ее ритма.

Особое впечатление производят соединения в однородные ряды элементов, которые в прозаической норме вряд ли возможно причислить к однородным. В поэзии рамки понятия «однородные члены предложения» раздвигаются до обретения полной свободы соединения несоединимого¹¹:

(46) Боролся я, *один и безоружен,*
 С толпой врагов...
 (Я рано встал...)

(47) *Опять один, опять суров,*
 Лежит — и ничего не пишет.
 (Поэт и гражданин)

Парность и формульность ассоциируются с традицией, с фольклором, а краткие формы прилагательных вызывают ассоциации с древними пластами культуры. Так, многие элементы однородных рядов в произведениях Некрасова несут на себе отпечаток фольклорности. Но формульность в целом характерна для поэтического языка. Ср.: «Поэтический язык состоит из формул, которые в течение известного времени вызвали известные группы образных ассоциаций положительных и ассоциаций по противоречию... Поэтические формулы — это нервные узлы, прикосновение к которым будит в нас ряды определенных образов, в одном более, в другом менее; по мере нашего развития, опыта и способности умножать и сочетать вызванные образом ассоциации» (Веселовский, 1940, с. 376).

Заключение

Статья посвящена одной из черт синтаксиса поэзии Некрасова; выявляются лингвистические особенности стиля его поэзии. Из анализа следует, что грамматическая конструкция *предикативный атрибут* — одна из стилеобразующих черт поэзии Некрасова. Для Некрасова характерны многочисленные длинные повторы функционально сходных грамматических элементов, занимающие несколько строк (примеры 6, 7, 17, 20, 26, 44). Эти повторы часто задают ритм и обуславливают фоль-

¹¹ Ср. у Лермонтова: ...*С свинцом в груди и жаждой мести...*

клорность текста. Грамматически распространенные адъективные и причастные, а также и деепричастные обороты, частые у Некрасова, вызывают дополнительные предикации и как бы вводят читателя вглубь рассказываемой истории, что дает возможность развернуть повествование (17, 32). В этих случаях иногда встречаются «грамматические рифмы», когда рифмуются флексии, например у прилагательных или причастий (26, 35, 36). Такие рифмы дополнительно подчеркивают народный характер поэзии Некрасова. ПА часто совмещают в себе функции атрибута и обстоятельства причины и следствия (11, 16), что придает дополнительную логику развитию повествовательной канвы, усиливает некоторую нравоучительно-назидательную ноту и нередко порождает у читателя представление об уравновешенности неких невидимых начал в мироустройстве, о справедливости или даже возмездии ('что заслужил, то и получил').

Поэзия Некрасова стилистически разнородна: есть подражания и пародии, лирические стихи, сочинения в фольклорно-народном стиле. Стилистические особенности каждого из этих пластов его творчества следовало бы рассмотреть отдельно. Важнее другое. Те особенности ПА у Некрасова, о которых было сказано выше, встречаются и у Пушкина, и у Лермонтова, и у других предшественников Некрасова. Однородные атрибуты, парные формулы, синонимизация лексем при повторах, развернутые адъективные и причастные обороты, творительный падеж существительного в значении сравнения или метаморфозы — все эти средства находим и в донекрасовской поэзии. Но у Некрасова они выступают в сгущенном виде, их концентрация выше, и их можно рассматривать лишь на фоне творчества поэта в целом. Только тогда заметно несомненное новаторство Некрасова, в том числе в «грамматике поэзии».

Чуковский (2005, часть 1, раздел 6) дает целый список некрасовских пушкинизмов. В заключение приведем несколько цитат, демонстрирующих, несмотря на указанное выше новаторство, сходство подхода двух поэтов:

*Гонимы вешиными лучами,
С окрестных гор уже снега
Сбежали мутными ручьями
На потопленные луга.*
(Пушкин. Евгений Онегин)

*Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса*
(Некрасов. Зеленый шум)

*Когда я погибал, безвинный,
безотрадный,
И шепот клеветы внимал со всех сторон...*
(Пушкин. Кавказский пленник)

*Измученный, тоскою удрученный,
Жестокостью судьбы неблагоприятной
Вины мои желаю объяснить...*
(Некрасов. Уныние)

Споры о том, насколько некрасовское наследие прозаично или поэтично, чего в нем больше — повествовательности, фольклорности или

«истинной», «высокой» поэзии, — вероятно, не утихнут никогда, тем более что в ней гармонично соединяются все перечисленные черты. Лучше всего свою поэзию Некрасов охарактеризовал он сам:

Нет в тебе поэзии свободной,
 Мой суровый, неуклюжий стих!
 Нет в тебе творящего искусства...
 Но кипит в тебе живая кровь,
 Торжествует мстительное чувство,
 Догорая, теплится любовь, —
 Та любовь, что добрых прославляет,
 Что клеймит злодея и глупца
 И венком терновым наделяет
 Беззащитного певца...

Наша скромная задача состояла в том, чтобы продемонстрировать, как емкое и по морфологическим формам, и по своему содержанию и функциям синтактико-семантическое явление — предикативный атрибут — участвует в создании спектра стилистических эффектов, влияющих в общий набор стилистических средств, определяющих своеобразие поэтических текстов Некрасова.

Список литературы

- Акимова М.В. Традиции изучения русского стихотворного синтаксиса: Б.И. Ярхо и М.Л. Гаспаров // Труды Института русского языка. 2017. №14. С. 89—112.
- Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., 1995. Т. 2 : Интегральное описание языка и системная лексикография.
- Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
- Бухштаб Б.Я. Н.А. Некрасов. Проблемы творчества. Л., 1989.
- Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940.
- Винокур Г.О. Филологические исследования. М., 1990.
- Гаспаров М.Л. Избранные статьи. М., 1995.
- Гаспаров М.Л., Скулачева Т.В. Статьи о лингвистике стиха. М., 2004.
- Гин М.М. От факта к образу и сюжету: о поэзии Н.А. Некрасова. М., 1971.
- Гинзбург Л.Я. О лирике. Л., 1974.
- Евгеньев-Максимов В.Е. Некрасов // История русской литературы : в 10 т. М. ; Л., 1956. Т. 8 : Литература шестидесятых годов. Ч. 2. С. 56—160.
- Золян С.Т. Якобсон и Виноградов о поэтической функции языка // Вопросы языкознания. 2009. №1. С. 3—8.
- Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис. М., 1986.
- Корман Б.О. Лирика Некрасова. Ижевск, 1978.
- Кустова Г.И. Прилагательное в тексте как редуцированная предикация // Проблемы функциональной грамматики. Предикативные категории в высказывании и целостном тексте / под ред. А.В. Бондарко и В.В. Казаковской. М., 2017. С. 224—246.
- Найдич Л.Э., Павлова А.В. Магия парности (на материале русской поэзии) // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония : матер. междунар. конф. М., 2019а. С. 120—133. URL: https://iling-ran.ru/web/sites/default/files/conferences/2019/2019_emotional_domain_collection.pdf (дата обращения: 08.03.2021).

Найдич Л. Э., Павлова А. В. Предикативные атрибуты с результирующим значением в немецком и русском языках // Балканистика. Алтаистика. Общее языкознание. Памяти Альбины Хакимовны Гирфановой / под ред. Н. Л. Сухачева. СПб., 2019б. С. 546–571.

Найдич Л. Э., Павлова А. В. Беспредложный творительный падеж в роли предикативного атрибута. На материале русской поэзии // О семиотике языка и ее исследователе: памяти Маргариты Ивановны Лекомцевой / под ред. Л. В. Злыдневой [и др.]. Тарту, 2019в. С. 160–218.

Найдич Л. Э., Павлова А. В. «И стих уже звучит, задорен, нежен...» Предикативный атрибут в русской поэзии. М., 2021 (в печати).

Некрасовские сборники / Институт русской литературы АН СССР, впоследствии РАН. М.; Л. (СПб.); Брянск, 1951–2019. Т. I–XVI.

Никольс Д. Падежные варианты предикативных имен и их отражение в русской грамматике // Новое в зарубежной лингвистике – 15. М., 1984. С. 342–386.

Патроева Н. В. Типы и функции осложняющих конструкций в языке поэзии XVIII–XIX веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2005.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1958.

Ревзина О. Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: сб. ст., посвящ. юбилею Г. А. Золотовой. М., 2002. С. 418–433.

Скулачева Т. В. Взаимодействие ритма и синтаксиса в стихотворной строке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.

Славянский стих. Вып. VIII. Стих, язык, смысл / под ред. А. В. Прохорова, Т. В. Скулачевой. М., 2009.

Тынянов Ю. Н. Архаисты и новаторы. Л., 1929.

Тынянов Ю. Н. Стиховые формы Некрасова // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино / подг. изд. и коммент. Е. А. Тоддеса, А. П. Чудакова, М. О. Чудаковой. М., 1977. С. 18–27.

Чуковский К. И. Некрасов. Статьи и материалы. Л., 1926.

Чуковский К. И. Мастерство Некрасова // Собр. соч. : в 15 т. М., 2005. Т. 10.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка [1925]. 2-е изд. М., 1941.

Эйхенбаум Б. М. Анна Ахматова. Опыт анализа. Пб., 1923.

Эйхенбаум Б. М. Некрасов // Эйхенбаум Б. М. Литература: Теория. Критика. Полемика. Л., 1927. С. 110–115.

Эйхенбаум Б. М. О прозе. О поэзии. Л., 1986.

Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» / под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. М., 1975. С. 193–230.

Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии // Семиотика / под ред. Ю. С. Степанова. М., 1983. С. 462–482.

Якобсон Р. Заметки на полях лирики Пушкина / пер. Н. В. Перцова // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987. С. 213–218.

Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений / пер. с англ. Н. В. Перцова // Якобсон Р. Язык и бессознательное. М., 1996. С. 27–53.

Himmelmann N. P., Schultze-Berndt E. F. Secondary Predication and Adverbial Modification. The Typology of Depictives. Oxford, 2005.

Jakobson R. Na okraj lyrických básní Puškinových. Vybrane spisy A. S. Puškina / ed. by A. Bern and R. Jakobson. Praha, 1936. S. 259–267.

Kruglova A., Smirnova O., Skulacheva T. Syntax and Pauses in a Verse Line: Statistical Analysis // Quantitative approaches to versification / ed. by P. Plecháč [et al.]. Praha, 2019. P. 113–124.

Naiditsch L., Paolova A. Prädikatives Attribut. Eine Vergleichsstudie für Deutsch und Russisch. Berlin, 2018.

Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte [1880]. Halle, 1920.

Об авторах

Лариса Эриковна Найдич, кандидат филологических наук, профессор эмеритус, Иерусалимский университет, Израиль.

E-mail: larissa.naiditch@mail.huji.ac.il

Анна Владимировна Павлова, научный сотрудник, Майнцский университет, Германия.

E-mail: pavloan@uni-mainz.de

ORCID: 0000-0003-4843-5778

Для цитирования:

Найдич Л. Э., Павлова А. В. «Чуть живые, в ночь осеннюю / Мы с охоты возвращаемся...»: Предикативный атрибут в поэтическом тексте Некрасова // Слово.ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12, №3. С. 84–108. doi: 10.5922/2225-5346-2021-3-6.

“ČUT’ ŽIVYE, V NOČ’ OSENNJUJU / MY S OCHOTY VOZVRAŠČAEMSJA...” SECONDARY PREDICATE IN NEKRASOV’S POETIC TEXTS

L. E. Naiditch¹, A. V. Pavlova²

¹ The Hebrew University of Jerusalem
Mt. Scopus, Jerusalem 91905, Israel

² University of Mainz
An der Hochschule 2, 76726 Gernersheim, Germany

Submitted February 18, 2021

doi: 10.5922/2225-5346-2021-3-6

The main aim of the article is to examine the grammatical and stylistic functions of the predicative attribute in the poetic work of Nekrasov. The study contributes to the general ‘grammar of poetry’, which has been proposed and developed by Roman Jakobson. The study shows that Nekrasov often used the predicative attribute and it constitutes one of the specific features of his style. Grammatically extended adjectival, participial and adverbial phrases, frequent in Nekrasov’s poetry, cause additional predication, which makes it possible to expand the narrative. The predicative attribute often combines the functions of an attribute with those of the adverbial modifiers of cause and consequence, which gives additional impetus to the narrative plot development. The analysis shows that Nekrasov’s style is characterized by numerous long repetitions of functionally similar grammatical elements, taking several lines. These repetitions often set the rhythm and determine the folklore character of his poems. Attributive chains, paired formulas, synonymization of lexemes in chains, repetitions, instrumental case in the meaning of comparison and metamorphosis can be found in classical pre-Nekrasov poetry as well. In Nekrasov’s poems these features appear in a concentrated, condensed form; they can be considered only against the background of his work as a whole.

Keywords: predicative attribute, small clause, secondary predicate, style and grammar of poetry, Nikolaj Nekrasov

References

- Akimova, M.V., 2017. The tradition of studying Russian syntax: B.I. Yarkho and M.L. Gasparov. *Trudy Instituta russkogo yazyka* [Papers of the Institute for Russian language], 14, pp. 89–112 (in Russ.).
- Apresyan, Yu.D., 1995. *Izbrannye trudy. Tom II. Integral'noe opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected writings. Volume II. Integral Language Description and Systematic Lexicography]. Moscow (in Russ.).
- Bogatyrev, P.G., 1971. *Voprosy teorii narodnogo iskusstva* [Problems of folk art theory.]. Moscow (in Russ.).
- Bukhshtab, B. Ya., 1989. *N.A. Nekrasov. Problemy tvorchestva* [N.A. Nekrasov. Problems of his work]. Leningrad (in Russ.).
- Chukovskii, K.I., 1926. *Nekrasov. Stat'i i materialy* [Nekrasov. Papers and materials]. Leningrad (in Russ.).
- Chukovskii, K.I., 2005. *Masterstvo Nekrasova* [Nekrasov's mastery], Vol. 10. Moscow (in Russ.).
- Eikhenbaum, B.M., 1986. *O proze. O poezii. Sbornik statei* [About prose. About poetry. Collection of articles]. Leningrad (in Russ.).
- Eikhenbaum, B.M., 1923. *Anna Akhmatova. Opyt analiza* [Anna Akhmatova. Attempt of an analysis]. St. Petersburg (in Russ.).
- Eikhenbaum, B.M., 1927. Nekrasov. In: B.M. Eikhenbaum ed. *Literatura: Teoriya. Kritika. Polemika* [Literature: Theory, Critics, Polemics]. Leningrad. pp. 110–115 (in Russ.).
- Evgen'ev-Maksimov, V.E., 1956. Nekrasov. In: *Istoriya russkoi literatury v desyati tomakh* [History of Russian literature in 10 volumes]. Moscow; Leningrad, pp. 56–160 (in Russ.).
- Gasparov, M.L., 1995. *Izbrannye stat'i* [Selected papers]. Moscow (in Russ.).
- Gasparov, M.L., Skulacheva, T.V., 2004. *Stat'i o lingvistike stikha* [On the linguistics of verse]. Moscow (in Russ.).
- Gin, M.M., 1971. *Ot fakta k obrazu i syuzhetu: o poezii N. A. Nekrasova* [From fact to image and plot: on Nekrasov's poetry]. Moscow (in Russ.).
- Ginzburg, L. Ya., 1974. *O lirike* [About lyrics]. Leningrad (in Russ.).
- Himmelman, N.P., Schultze-Berndt, E.F., 2005. *Secondary Predication and Adverbial Modification. The Typology of Depictives*. Oxford University Press.
- Jakobson R., 1936. Na okraj lyrických básní Puškinových. In: A. Bern, R. Jakobson eds. *Vybrane spisy A. S. Puškina*. Prague, pp. 259–267.
- Jakobson, R., 1975. Linguistics and poetics. In: E. Ya. Basin, M. Ya. Polyakova eds. *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: "pro" and "contra"]. Moscow, pp. 193–230 (in Russ.).
- Jakobson, R., 1983. The poetry of grammar and the grammar of poetry. In: Yu.S. Stepanov ed. *Semiotica* [Semiotics]. Moscow, pp. 462–482 (in Russ.).
- Jakobson, R., 1987. Marginal Notes on Puskin's Lyric Poetry. In: M.L. Gasparov ed. *Raboty po poetike* [Works on poetics]. Moscow, pp. 213–218 (in Russ.).
- Jakobson, R., 1996. Two aspects of language and two types of aphasic disturbances. In: *Yazyk i bessoznatel'noe* [Language and the unconscious]. Moscow, pp. 27–53 (in Russ.).
- Korman, B.O., 1978. *Lirika Nekrasova* [Lyrics of Nekrasov]. Izhevsk (in Russ.).
- Kovtunova, I.I., 1986. *Poeticheskii sintaksis* [Syntax of poetry]. Moscow (in Russ.).
- Kruglova, A., Smirnova, O., Skulacheva, T., 2019. Syntax and Pauses in a Verse Line: Statistical Analysis. In: P. Plecháč et al. eds. *Quantitative approaches to versification*. Prague, pp. 113–124.

Kustova, G. I., 2017. Adjectives in the text as reduced predication. In: A. B. Bondarko, V. V. Kazakovskaya eds. *Problemy funktsional'noi grammatiki. Predikativnye kategorii v vyskazyvanii i tselostnom tekste* [Problems of functional grammar. Predicative categories in utterance and whole text]. Moscow, pp. 224–246 (in Russ.).

Naiditsch, L., Pavlova, A., 2018. *Prädikatives Attribut. Eine Vergleichsstudie für Deutsch und Russisch*. Berlin: Frank & Timme.

Naidich, L. E., Pavlova, A. V., 2019a. The magic of pairing (on the material of Russian poetry). In: *Emotsional'naya sfera cheloveka v yazyke i kommunikatsii: sinkhroniya i diakhroniya. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii RAN* [The emotional sphere of a person in language and communication: synchrony and diachrony. Materials of the international conference of Russian Academy of sciences]. Moscow, pp. 120–133. Available at: https://iling-ran.ru/web/sites/default/files/conferences/2019/2019_emotional_domain_collection.pdf [Accessed: 8 March 2021] (in Russ.).

Naidich, L. E., Pavlova, A. V., 2019b. Predicative attributes with resultant meaning in German and Russian. In: N. L. Sukhachev ed. *Balkanistika. Altaistika. Obshchee yazykoznanie. Pamyati Al'biny Khakimovny Girfanovoi (1957–2018)* [Balkan Area – Altaic Studies – General Linguistics. In Memoriam Albina H. Girfanova (1957–2018)]. St. Petersburg, pp. 546–571 (in Russ.).

Naidich, L. E., Pavlova, A. V., 2019c. The instrumental case as a predicate attribute. On the material of Russian poetry. In: L. V. Zlydneva et al. eds. *O semiotike yazyka i ee issledovatele: pamyati Margarity Ivanovny Lekomtsevoi* [On semiotics of language and its researcher: In memory of Margarita Ivanovna Lekomtseva]. Tartu, pp. 160–218 (in Russ.).

Naidich, L. E., Pavlova, A. V., 2021. “I stikh uzhe zouchit, zadoren, nezhen...” *Predikativnyi atribut v russkoi poezii* [“And the verse is already sounding, perky, tender...” Predicative attribute in Russian poetry]. Moscow (in press) (in Russ.).

Nekrasovskie sborniki 1951–2019 [Studies on Nekrasov 1951–2019], Vol. I–XVI, XV–XVI. Moscow; Leningrad (St. Petersburg); Bryansk (in Russ.).

Nichols, J., 1984. The case variants of predicative names and their reflection in Russian grammar. In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New researches in Foreign Russian Studies]. Moscow, pp. 342–386. Available at: https://classes.ru/grammar/158.new-inlinguistics-15/source/worddocuments/_18.htm [Accessed: 06 March 2021] (in Russ.).

Patroeva, N. V., 2005. *Tipy i funktsii oslozhnyayushchikh konstruktivov v yazyke poezii XVIII–XIX vekov* [Types and functions of complicating constructions in the language of poetry XVIII–XIX centuries]. PhD thesis. St. Petersburg (in Russ.).

Paul, H., 1920. *Prinzipien der Sprachgeschichte*. 5th ed. Halle: Niemeyer.

Potebnya, A. A., 1958. *Iz zapiskov po russkoi grammatike* [Notes on Russian grammar]. Moscow (in Russ.).

Prokhorov, A. V., Skulacheva, T. V., 2009. *Slavyanskii stikh. Tom VIII. Stikh, yazyk, smysl*. [Slavic verse. Vol. 8. Verse, language, thought]. Moscow (in Russ.).

Revzina, O. G., 2002. Riddles of a poetic text. In: *Kommunikativno-smyslovye parametry grammatiki i teksta* [Communicative and semantic parameters of grammar and text]. Moscow, pp. 418–433 (in Russ.).

Shakhmatov A. A., 1941. *Sintaksis russkogo yazyka* [Russian syntax]. 2nd ed. Moscow (in Russ.).

Skulacheva, T. V., 1989. *Vzaimodeistvie ritma i sintaksisa v stikhotvornoj stroke* [The interaction of rhythm and syntax in the poem line]. PhD Dissertation. Moscow (in Russ.).

Tynyanov, Yu. N., 1929. *Arkhaisy i novatory* [Archaists and innovators]. Leningrad (in Russ.).

Tynyanov, Yu. N., 1977. Nekrasov's verse forms. In: *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Film]. Moscow, pp. 18–27 (in Russ.).

Veselovskii, A.N., 1940. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Leningrad (in Russ.).

Vinokur, G.O., 1990. *Filologicheskie issledovaniya* [Philological Research]. Moscow (in Russ.).

Zolyan, S. T., 2009. Jakobson and Vinogradov about the poetical function of language. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the study of language], 1, pp. 3–8 (in Russ.).

The authors

Dr Larissa È. Naiditch, Professor Emeritus, Hebrew University of Jerusalem. Mt. Scopus, Jerusalem, Israel.

E-mail: larissa.naiditch@mail.huji.ac.il

Dr Anna V. Pavlova, Research Fellow, University of Mainz, Germany.

E-mail: pavloan@uni-mainz.de

ORCID: 0000-0003-4843-5778

To cite this article:

Naiditch L.È., Pavlova A.V. 2021, "Čut' živye, v noč' osennjuju / my s ochoty vozvraščaemsja..." secondary predicate in Nekrasov's poetic texts, *Slovo.ru: baltic accent*, Vol. 12, no. 3, p. 84–108. doi: 10.5922/2225-5346-2021-3-6.